

УДК 821.111(73)

Айнур Сабитова
доктор филологических наук, профессор,
Азербайджанский Университет Языков,
Баку, ул.Р.Бейбутова, 134
e-mail:aynur-sabitova@mail.ru

ЭМИЛИ ДИКИНСОН
(Размышления о некоторых загадках жизни поэта)

Ключевые слова: Американская литература, путь к совершенству, совершенный человек, духовные ценности и время.

Презренье к ней - вот Славы
Продажная цена.
Отринешь Славу - за Тобой
Погонится она.
(Эмили Дикinson)

Вступление.

Мирская слава преходяща,- говорят.

Что же из себя представляет СЛАВА и какова ее цена?

Порой она приходит к поэту после его физического ухода из жизни. Бывает, тот или иной автор при жизни остается в тени других, а настоящая известность приходит к нему со временем, а известные в своем времени авторы остаются лишь в литературных справочниках. Такие случаи можно найти в любой национальной литературе. И это вполне понятно и в какой-то мере объяснимо. Ведь оценку творениям поэта дает время и самый высший судья – читатель.

Как говорил народный поэт Азербайджана Расул Рза:

Стихи мои - перед тобой,
Какой меня переживет,
Не знаю я – народ спроси [1, с.260]

Но крайне редки случаи, когда современники поэта даже не подозревают о его существовании. К таким относится последний из «могикан» американской поэзии романтизма – Эмили Дикинсон, творческое наследие которой широко стало известным лишь в середине XX века.

Об Эмили Дикинсон написаны сотни солидных исследовательских работ, десятки больших монографий, наследие ее тщательно собрано и напечатано, но при этом творческий портрет поэта все еще далеко не полный. Имеющиеся в источниках сведения о жизни и творчестве Эмили Дикинсон не только не полные, но и большей частью разноречивые. Это касается почти всех периодов жизни и творчества поэта. Для того, чтобы проиллюстрировать это наше утверждение, обратимся к одной цитате, в которой делается попытка кратко изложить основные вехи жизненного пути Эмили Дикинсон: «При жизни были опубликованы лишь семь ее стихотворений. Родилась 10 декабря 1830 в Амхерсте (шт. Массачусетс), никогда не покидала родного города. Живя вдали от культурных центров, не была знакома ни с кем из известных писателей своего времени. Близкие отношения сохраняла только с несколькими друзьями и многочисленными родственниками.

До 25 лет вела жизнь, типичную для молодой девушки ее времени. Замуж не выходила и, *по обычаям старых дев, постепенно отдалась от общества*. К 1860-м годам Дикинсон стала почти затворницей, а после 1870-х годов и вовсе не покидала дом. Вероятно, такую форму приняло у нее стремление всякого художника к уединению, поскольку именно тогда *она всерьез посвятила себя поэзии. Нельзя исключать и того, что в ее отказе от мирской суеты были элементы религиозного отшельничества*. Единственным из литераторов, с кем она поддерживала отношения, был писатель и критик Томас Уэнтворт Хиггинсон [8].

Творчество Эмили Дикинсон частично стало достоянием читающей публики после ее смерти в 1886 году, когда часть ее стихотворений была издана отдельной книгой. После издания книги начались трения между наследниками, и следующие издания стихов увидели свет в 20-30-х годах XX века, а полное собрание стихотворений в трех томах поэта увидело свет лишь в 1955 году. Именно в этом последнем издании стихи поэта были представлены читателям и исследователям в первозданном виде. А после того, как было осуществлено издание писем Эмили Дикинсон (1959), исследователи получили возможность хоть частично заглянуть в «мир» поэта и лучше понять ее поэзию.

Произведения поэта обычно несут на себе определенные приметы времени, отпечатки следов событий из жизни автора. И при написании биографии поэта одновременно освещаются и события, произошедшие с ним. Биография – это событийное начало жизненного пути человека. При попытке воссоздать событийную канву жизни Дикинсон выясняется, что о ней почти ничего не известно, а точнее – событийное начало в ней просто отсутствует. О ней с полной уверенностью можно сказать: где и когда она родилась, какое образование получила, где жила и когда умерла. А вот точно сказать, в какой литературной среде она сформировалась, что и как повлияло на становление ее как поэта довольно сложно. А таинственный, «расплывчатый», многозначный мир, открывающийся за ее стихами все еще не разгадан. Тут приходится вступать в сферу догадок и предположений.

Создавала свои стихи и не менее важные для их понимания письма Эмили Дикинсон во второй половине XIX века, а вот заняла свое настоящее место в истории американской, да и мировой литературы лишь в XX веке, и то постепенно. Ее жизнь, как и творчество, отличаются своеобразием, точнее, резким отличием от других. Размеренная и незаметная «внешняя» жизнь резко контрастирует с внутренней, где бушуют страсти, о характере и направленности которых тоже нет единого мнения. Об этом более подробно скажем чуть ниже, а здесь лишь отметим, что содержание и поэтику стихотворений Эмили Дикинсон охарактеризовать кратко и однозначно невозможно. Это объясняется тем, что ее поэзия (и поэтика этой поэзии) просто опередила свое время и с каждым годом обретает новые оттенки, будто перерождается и идет в ногу со временем. Это касается, прежде всего, поэтики и организации стиха. А вот содержание связано с вечными духовными ценностями, которые с конкретным временем не связаны.

Вернемся к приведенной выше цитате и в отдельности рассмотрим каждый из выделенных мест, но в несколько ином порядке.

Основной текст.

«Никогда не покидала родного города»

Родилась Эмили Дикинсон в 1830 году в г.Амхерст (штат Массачусетс) в семье адвоката. Предки ее были пуританами. Но к середине XIX века пуританские ценности значительно изменились и превратились большей частью в традиционные правила

поведения. На севере США интенсивно развивался капитализм и в этих условиях формировались философские воззрения, вобравшие в себя отдельные элементы религиозных воззрений, наиболее известный из которых – трансцендентализм, считающийся теоретической базой американского романтизма. Создателем этой теории и самым последовательным из бостонских трансценденталистов был поэт-философ Ральф Уолдо Эмерсон. Его суждения о месте человека в обществе и природе были не просто литературными и философскими воззрениями, они раскачивали основы являющегося ведущим в Новой Англии и регулирующего основные аспекты жизни людей кальвинизма. Он утверждал, что люди сами, без догм церкви, опираясь только на свою интуицию могут почувствовать в себе божественное начало – «Высший дух». А для этого необходимы тишина и одиночество в *стенах собственного дома*, а еще лучше на лоне природы. Он считал, что люди должны отбросить ложные ценности и снова научиться увидеть красоту мира.

Эмили была воспитана в строгих христианских традициях. При этом получила для своего времени довольно хорошее образование. Сначала посещала начальную школу на Плезент-Стрит, с 1840 года продолжила образование в Академии Амхерст, где проучилась семь лет. В Академии учащиеся изучали английский, латынь, литературу, историю, ботанику, геологию, психологию, арифметику. Закончив академию летом 1847 года, до марта 1848 года училась в женской семинарии Маунт-Холиоук, где основательно изучила Библию и основы религии. В 1848 году Эмили Дикинсон вернулась в свой родной город и всю остальную часть жизни провела здесь, в родном городе и в основном в четырех стенах отцовского дома. И это не удивительно. В те годы и в тех условиях мало кто, особенно из женщин, бывал за пределами собственного города, а порой и за пределами собственной улицы и даже двора. Строгое религиозное воспитание, подчиненное положение женщин в семье и обществе не давало возможность женщине для самореализации, за редкими исключениями, в общественной и политической жизни. Удел женщины – быть женой и матерью.

Детство Эмили мало чем отличалось от детства своих сверстников. Но при этом следует отметить, что в детстве она вместе с отцом побывала в Бостоне и Кембридже. Впечатления от увиденных в Бостоне Маунт-Оберна, Банкер-Хилла, Китайского музея и музыкальных вечеров навсегда отложились в ее памяти. Впоследствии она дважды побывала в Кембридже, чтобы лечить глаза. А в 1854 году, после того как ее отец был избран в конгресс, поехала вместе с ним в Вашингтон и там, говоря словами Ван Вик Брукса, покорила друзей Эдварда Дикинсона своим умом и манерами [2, с.22].

На обратном пути из Вашингтона в Филадельфию Эмили познакомилась с молодым священником Чарлзом Уадсвортом, и эта встреча, по мнению исследователей, сыграла важную роль в ее жизни. По мнению части критиков и исследователей, многие стихи Эмили обращены именно к Уадсворту, при том, что под такую точку зрения подвести доказательную базу довольно сложно.

«Не была знакома ни с кем из известных писателей своего времени»

Посмотрим, насколько верно такое утверждение и что подразумевается под этим. Действительно, домашняя обстановка не очень-то способствовала знакомству Эмили не только с известными литераторами, но и просто с посторонними людьми. Её отец – ректор Амхерстского колледжа Эдвард Дикинсон по религиозным воззрениям был ортодоксальным кальвинистом и детей своих воспитал в этом духе. С детских лет им

разрешалось читать в основном религиозную литературу, а так же английскую классик, в том числе и произведения Шекспира. Мать часто болела и потому вела замкнутый образ жизни. И Эмили в полной мере испытала на себе влияние родителей, что не могло не сказаться на образе жизни и мировидении ее. Но была еще одна обстановка, которая оказала определенное влияние на становление мировоззрения Эмили.

Дом ее брата Остина находился напротив их дома, и в его доме частыми гостями были известные люди, особенно те, кто приезжал читать лекции в колледже. Среди них были такие известные люди того времени, как Ральф Эмерсон, Уэндел Филлипс, Бичер. Близким другом стал издатель «Спрингфильдского республиканца» Семюэл Боузлл [2, с.19]. Говоря об образе жизни Эмили, Ван Вик Брукс отмечает, что «Даже старые друзья семейства редко видели Эмили Дикинсон. Она никогда не выходила из дома – ни днем, ни ночью, и лишь изредка, в сумерьях, ее тень, как мотылек, мелькала в аллеях сада»; «Друзья редко встречались с Эмили и почти никогда не имели возможность ее лицезреть; она любила разговаривать с гостями, сидевшими в гостиной, из полутемного вестибюля или с последних ступеней лестницы, ведущей наверх, но они получали от нее весточки» в виде записок; «Записки были немногословны и загадочны, подчас – всего одна-две фразы...» [2, с.19-20]. И в этих письмах порой все так перемешано, что дойти до сути высказывания порой проблематично. Каждая часть фразы о чем-то, на первый взгляд, другом, мысль как бы перебивается, перетекает из одного в другое. В нескольких фразах, собранных в одном абзаце, находит отражение тот мир, в котором она живет, которым любуется, даются сведения о семье, объясняется причина того, почему отец не позволяет читать «книги» ... Так, она пишет: «Вы спрашиваете - кто мои друзья - Холмы - сэр - и Солнечный закат - и мой пес - с меня ростом - которого мой отец купил мне - Они лучше - чем Существа человеческие - потому что знают - но не говорят - а плеск Озера в Полдень прекрасней звуков моего фортепиано. У меня Брат и Сестра - наша Мать равнодушна к Мысли - Отец слишком погружен в судебные отчеты - чтобы замечать - чем мы живем - Он покупает мне много книг - но просит не читать - их побаивается - что они смутят мой Разум. Все в моей семье религиозны - кроме меня - и каждое утро молятся Затмению - именуя его своим "Отцом"» [3].

Эдвард Дикинсон строго контролировал круг чтения дочери. Ей позволялось читать только библию, религиозные гимны и Шекспира. Но все же благодаря брату и его друзьям Эмили имела возможность обойти этот запрет: книги, принесенные для Эмили, они прятали в разных местах (во дворе, в цветочном горшке, в гостиной, под покрывалом пианино), благодаря чему Э.Дикинсон получала возможность приобщиться к творчеству современных авторов – сестер Бронте, Готорна, Колриджа, Купера, Китса, Рескина, Эмерсона и др. Наиболее значительное влияние на творчество Дикинсон оказала поэзия Ральф Уолдо Эмерсона и не только потому, что она с ним была знакома лично, хотя правильнее было бы сказать, что знала, видела, слышала. Влияние это происходило в основном через его произведения. Хотя в данном случае говорить о непосредственном влиянии сложно, думается, можно с уверенностью говорить о близости мировидения, поэтики. И не случайно исследователи довольно часто сравнивают их творчество. Так, Соломия Дмитриевна Павлычко отмечает, что Эмили Дикинсон, как и Эмерсон, «в своем творчестве исходит из принципа преобладания сущности над формой, образа над размером и рифмой» [4, с.130]. А вот польский исследователь Агниезека Сальска эссе Эмерсона «Монтен и скептик» прямо называет произведением, которое должно играть роль своеобразного фона для прочтения лирики Дикинсон [7, р.33].

«При жизни были опубликованы лишь семь ее стихотворений»

В разных источниках даются разные цифры. Они варьируются в основном от трех до

десяти. А точно определить их количество просто невозможно.

Впервые на стихи Эмили Дикинсон обратил внимание Томас Хиггинсон, литератор и издатель из Бостона. Знакомство их началось с того, что в начале 1862 года Томас Хиггинсон обратился к молодым американцам с тем, чтобы те посыпали свои сочинения в редакции журналов.

В ответ на этот призыв из маленького провинциального городка Амхерст пришло письмо, датированное 25 апреля. С этого письма началась оставившая значительный след в американской литературе переписка. В письме было четыре стихотворения. Уже само письмо было довольно интересным.

Хиггинсон посоветовал Эмили не печатать свои стихи, хотя и понял их оригинальность и необычность. Думается, что если бы Хиггинсон согласился напечатать стихи молодого поэта, она бы не стала тем, кем в итоге стала в американской литературе – она стала бы известной, но оригинальность и необычность, которые были бы уничтожены редакторским пером, утратила.

Письмо было весьма примечательным. Не только в стихотворениях, но и в самом письме кроме тире других знаков препинания не было. В нем преобладали заглавные буквы, а стихи были весьма далеки от поэтических традиций своего времени. Если ее современник Уолт Уитмен в корне сломал форму, ритмическую организацию стиха и это, если даже не принималось многими, но все же понималось, стихи Дикинсон по организации казались «неряшливыми» и, исходя из традиций того времени, требовали «редактуры», которая могла бы полностью «убить» оригинальность, своеобразие ее стиха. Вернемся к письму. Эмили обратилась к Хиггинсону не с тем, чтобы напечатать стихи, а получить ответ на некоторые беспокоившие ее вопросы. Как отмечает Вера Маркова, «Автор спрашивал только, живые ли его стихи, дышат ли? "Мой Разум слишком близок к самому себе - он не может видеть отчетливо - и мне некого спросить -» [3].

Дикинсон после рекомендаций Хиггинсона не пыталась печатать стихи. В печать стихи ее отдавали друзья, знакомые, которым в письмах она иногда отсыпала и стихи, иллюстрирующие ее взгляды. При этом при публикации стихи сильно искажались, так как редакторы считали, что понять и принять стихи в полученном виде читатели не могли. Для них это было крайне непривычным... С другой стороны, в те годы век большинства газет был не долгим, да и не все газеты сохранились в полном комплекте, чтобы исследователи смогли точно установить количество опубликованных при жизни стихов Эмили.

Забегая вперед, остановимся на одном моменте из процитированного письма: «Мой Разум слишком близок к самому себе». Что под этим подразумевается и как следует понимать эту фразу?

Здесь мы вступаем в мир догадок и предположений. Но все же, для того, что понять это необходимо, на наш взгляд, более подробно разобраться в следующем утверждении

К 1860-м годам Дикинсон стала почти затворницей... Вероятно, такую форму приняло у нее стремление всякого художника к уединению

На наш взгляд, в каждом из этих утверждений есть доля правды, но лишь доля и то, небольшая.

Действительно, с 1860-х годов Эмили Дикинсон физические контакты с другими людьми почти прекратила и «стала почти затворницей». Но ведь и до этого она не очень-то стремилась в общество людей, стремясь оставаться в тени. Здесь важное значение имеет слово «физические», так как контакты ее с миром именно с этого времени

«усиливаются».. но не с конкретными людьми в лице соседей, знакомых, а Миром в широком смысле и посредством писем, которые выступали связующим звеном между «Миром» поэта, творческого человека и миром физическим, предметным, где люди живут своими повседневными заботами. Письма ее - это своего рода послания Миру физическому из Мира духовного, того Мира, в котором и существовала сама Эмили. Эти письма не менее важны, чем стихи поэта. Они позволяют заглянуть в Мир поэта, попытаться понять этот мир, но войти в него до сих пор удается не всем, даже скажем так: не всем и не полностью, ибо при каждом прочтении ее стихи открываются лишь частично, в той мере, в какой читающий готов понять и принять отраженный поэтом мир.

Поэт отражает объективную действительность в зеркале души своей. Но ведь объективная действительность Эмили Дикинсон – это не окружающий ее мир, это мир ее дум, размышлений, то, что она познала, вынесла из своих размышлений о высшей силе, Создателе, что являлось основой основ для пуритан - первых поселенцев этих земель.

Эмили Дикинсон не всегда была нелюдимой. Ведь во время поездки с отцом она очаровала всех его друзей. Отход от реальной действительности у нее происходит постепенно, после окончания духовной семинарии. Теперь можно только гадать, что это было и чем оно вызвано. Отход от «Мира» и «Мирского» может быть вызван религиозным фанатизмом, или же проявлением определенной фобии; ведь она и беседовала с гостями из-за порога, оставаясь в тени, вне поля зрения собеседников; страстно читала принесенные книги, посыпала стихи в редакцию, т.е. это не отшельничество, но все же...

Она иначе, чем другие, воспринимала жизнь. С середины 50-х гг. постепенно сужается круг ее общений, а с 60-х почти сходит на нет, но интенсивность создания стихов и писем возрастает. Все, что происходит в ее внутреннем мире, она изливает на бумагу. Ведь письма ее чаще всего не имеют адресата, они обращены к миру (внешнему и внутреннему). Попытка общаться с миром посредством стихов не увенчалась успехом, так как внешний мир не был готов понять и принять ее поэтику, которая для своего времени и для англоязычной поэзии была революционной. Если Уолт Уитмен полностью сломал традиционное стихосложение, полностью изменил лексику стиха, привнеся в него голос улицы, лексику простого народа и при этом не был понят и принят своими соотечественниками (его раньше признали в Англии), лишь впоследствии был признан основоположником собственно американской поэзии, то поэзия Эмили Дикинсон была «неправильной», точнее оставляла впечатление графоманства, ибо нарушение законов ритмики, строфики, рифмовки, использование неправильных, неполных, ассоциативных рифм казались нарушение правил стихосложения, а содержание для подавляющего большинства было просто непонятным.

Об отшельничестве, одиночестве Эмили Дикинсон можно рассуждать долго, высказывать различные версии. И литературоведами их высказано достаточно много. Самый простой и понятный для рядового читателя – несчастливая, точнее безответная любовь. И утверждается, что объектом этой безответной и безнадежной любви является Ч. Уадsworth [2, с.22.]. Но если даже принять эту версию, то следует согласиться, что это может быть только первотолчком, но ни в коей мере основной причиной. Ведь уже ко времени встречи с этим молодым священником Эмили была довольно нелюдимой, не затворницей, а именно нелюдимой. И эту нелюдимость нельзя считать одиночеством, ибо прожив большую часть жизни затворницей, одинокой она не была: если судить по письмам и стихотворениям, она не чувствовала на себе тяжесть одиночества и не испытывала потребность впускать кого бы то ни было в свой внутренний мир. Она жила в своем мире, где все было предельно понятно для нее самой. Она чувствовала потребность

в том, чтобы высказаться и высказывалась через стихи, через письма, но при этом для нее было не важно, дойдут ли они для адресата; отсюда и ненастойчивость в публикации стихотворений и просьба к родственникам не печатать их после ее смерти.

«Я улыбаюсь, - писала Эмили Дикinson, - когда вы советуете мне повременить с публикацией, - эта мысль мне так чужда - как небосвод Плавнику рыбы - Если слава - мое достояние, я не смогу избежать ее - если же нет, самый долгий день обгонит меня - пока я буду ее преследовать - и моя Собака откажет мне в своем доверии - вот почему - мой Босоногий Ранг лучше - » [3].

В этих записках и многочисленных письмах отразились основные мотивы ее поэзии, и без них понять суть, особенности ее поэтического мира очень трудно. Приведем лишь одну из этих записок, которая впоследствии почти дословно, но уже в другой трактовке была повторена в одном из ее стихотворений: «Лягушки громко распеваю сегодня – у них приятные, ленивые голоса. Хорошо быть одной из них» [2, с. 20].

I'm Nobody! Who are you?
Are you – Nobody – Too?
Then there's a pair of us?
Don't tell! They'd advertise – you know!

How dreary – to be – Somebody!
How public – like a Frog –
To tell one's name – the livelong June –
To an admiring Bog! [6, с.160]

О чем это стихотворение, что хочет сказать автор? Чтобы ответить на эти вопросы надо войти в его мир, куда Эмили никого не пускала и попытаться с ее

позиции взглянуть на мир. Стихи эти довольно бесхитростны и непривычны, ибо попытки соблюдать привычную ритмическую выдержанность и правильную рифмовку здесь мы не видим. А вот содержание еще больше удручет. К кому автор обращается, почему говорит «Я никто», но об этом кричать не обязательно. Почему скучно быть кем-то, «весь июнь» выкликать свое имя на болоте?

Я — Никто. А ты — ты кто?
Может быть — тоже — Никто?
Тогда нас двое. Молчок!
Чего доброго — выдворят нас за порог.

Как уныло — быть кем-нибудь —
И — весь июнь напролет —
Лягушкой имя свое выкликать —
К восторгу местных болот.
Перевод В.Макаровой [6, 161]

И лягушка, и болота [лексически] в стихотворении присутствуют и переводчик добросовестно их воспроизводит в оригинале. Но насколько верно это с поэтической точки зрения? Стихотворение завершается словом «Bog». Но в данном контексте оно переводится как «Бог», а не болото. Если взглянуть на это с позиции восточной мистики, то все станет на свои места. Так, суфий всю жизнь продвигается по пути к совершенству [А совершенство – единственный достойный любви объект – Создатель, Творец, Бог,

Аллах]. Отсюда и любовная терминология в суфийской поэзии – роза и соловей, влюбленный и возлюбленный и т.п. Чтобы достичь своей цели истинный «влюбленный» сливается с объектом любви, утрачивает свое «Я», становится, говоря словами Дикинсон, «Никто». У утратившего свое «Я» нет уже имени. И отсюда заключительная фраза стихотворения «Любящий Бог».

Уже в первом письме Хиггинсону она пишет: «Но боюсь, вам наскучит моя повесть - я хотела бы учиться - Можете ли вы сказать мне - как растут в вышину - или это нечто не передаваемое словами - как Мелодия или Волшебство?» [3]

«Расти в вышину» интересует поэта не только в письме, но и в поэтическом творчестве:

To venerate the simple days

Which lead the seasons by,
Needs but to remember
That from you or I,
They may take the trifles
Termed mortality!

To invest existence with a stately air
Needs but to remember
That the acorn there
Is the egg of forests
For the upper air! [6, 158]

Чтоб свято чтить обычные дни —
Надо лишь помнить:
От вас — от меня —
Могут взять они — малость —
Дар бытия.

Чтоб жизнь наделить величьем —
Надо лишь помнить —
Что желудь здесь —
Зародыш лесов
В верховьях небес.
Пер.В.Марковой [6, 159]

«Расти в вышину» - ключевая фраза в поэзии Эмили Дикинсон. Что же под этим подразумевается? Деревья растут, травы растут, животные тоже растут. Растет и человек. И не только физически. Жизнь, данная человеку, лишь «малость», и от него «МОГУТ» взять лишь эту малость. Человек растет духовно. Именно это позволяет ему приближаться к «НЕБЕСАМ», ибо «леса в небесах произрастают из желудей на земле», а говоря проще – чтобы попасть в «небеса», надо на земле заложить основу этого. Как бы мы ни старались разобрать на кирпичики стихи, мысли, высказанные в них, это полной ясности не прибавляет, ибо каждая наша фраза сама по себе требует объяснения, пояснения.

Завершение

Мы уже отметили, что на становление Дикинсон значительное влияние оказало творчество Эмерсона, многие идеи которого для американской мысли были новыми. Но

Дикинсон пошла гораздо дальше. Она размышляет (и в стихах, и в письмах) о самой человеческой жизни, о человеке и его создателе, о смысле земной жизни. При этом ее размышления и суждения складываются в цельную картину только в комплексе. Как пишет Вера Маркова, «Если для Шекспира весь мир - театр, то для Дикинсон театр - это душа человека, где при пустом партере разыгрываются шекспировские трагедии. Огромные темы раскрываются в борьбе противоречий: смерть и бессмертие, красота природы и невозможность с ней слиться, поэт, творящий для людей, и общество филистеров; стремление к Богу и возмущение миропорядком; потребность верить и мучительные сомнения. В поэзии Дикинсон чувства приобретают огромный накал, отсюда образы катастрофы, грозы, смерча; радость жизни до того сильна, что нет сил ее вынести; любовь в полную мощь испепеляет. Поэзия - удар молнии». [3]

Дикинсон одинокой, затворницей не была. Она жила в своем мире, в которой, если можно так выразиться, царила полная гармония. Она выходила из дома, но не для того, чтобы идти в гости, вести светские или какие-нибудь другие разговоры, делиться с другими своими мыслями, чувствами. Она после заката выходила на прогулку, одна. И этого ей было достаточно. Она беседовала, но с тем, кто находился в ней и во всей вселенной, точнее, вселенная находилась в ней. Это можно узреть и в ее стихотворениях, ибо почти во всех произведениях ее в той или иной мере есть тот, к кому она обращается. Она стремилась познать своего создателя, как бы он ни назывался – Бог, Аллах, Творец, Создатель, Всевышний. Она шла своим путем. Но этот путь не внешний, а внутренний, Путь к совершенству.

У восточных мистиков «тарикат» - путь к совершенству. Цель всех «упражнений» суфиев – достичь ступени «хакикат» - Истина, а Истина и есть сам Творец. Достигнув внутренней гармонии, Эмили Дикинсон уже не нуждалась в собеседнике и в своих письмах, а еще больше в стихах говорит, естественно, иносказательно именно об Истине, к Нему и обращается. Как восточные мистики шли к совершенству, так и она двигалась по этому пути.

Ее религиозность ничего общего с внешними атрибутами не имеет, ибо она достигла такого состояния сближения с НИМ, что могла задавать свои вопросы и получать на них ответа непосредственно с первых рук. Духовное совершенство, которое не имеет завершения, ибо совершенство и есть сама Истина. Лишь проведя параллели между стихами и исходя из них - воззрениями поэта с творениями мистиков, с одной стороны, и трансценденталистами, с другой, отчасти можно приоткрыть завесу внутреннего мира Дикинсон и понять, что она одинокой, затворницей, отшельником не была. Просто она жила в своем наполненном бурлящими страстями, устремлениями мире.

А закончить данный очерк хотелось бы словами одного из переводчиков стихотворений Лионида Ситника, который не очень высокого мнения о поэтическом мастерстве автора, но при этом своей заключительной фразой сам же опровергает свое мнение. Он пишет: «С моей точки зрения одно из главных достоинств ее стихов состоит в том, что их очень много и они почти все одинаковые, как камешки на берегу моря. По отдельности они имеют мало ценности. Но все вместе производят странный эффект - что-то вроде пустого пляжа, одинокой фигуры на берегу... Короче, вечность» [5].

Литература

1. Антология азербайджанской поэзии в 3-х т. Т. 2. Баку: Нурлан, 2009.
2. Брукс В.В. Писатель и американская жизнь. Т.2. М.: Прогресс, 1971.
3. Маркова В. Вступление / Дикинсон Емили. Стихотворения.- <http://lib/luksian.com>

4. Павлычко С. Д. Философская поэзия американского романтизма: Эмерсон, Уитмен, Дикинсон, Киев; Наукова думка, 1988.
5. Ситник Л. Время собирать камешки / Эмили Дикинсон. Стихотворения // <http://lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi.txt>
6. Amerikan Versc in Russian Translation XIX-XX centuries/ Moskow: Raduqaqa, 1983.
7. Salska A. The poetry of the central consciousness: Whitman and Dickinson. – Lodz, 1982, p.33
8. <http://www.krugosvet.ru/articles/89/1008942/1008942a1.htm>

Aynur Sabitova

EMİLİ DÍKINSON (Şairənin həyatının bəzi gizli məqamları haqqında düşüncələr)

Xülasə

Emili Dickinson (1830-1886) dünya ədəbiyyatının fərdiyyəti ilə seçilən gizli simalarından biridir. Onun taleyi və yaradıcılığı qeyri-adi, özünəməxsus xüsusiyyətlərə malikdirdir. Sağlığında anonim adı altında 7 şeiri çap olunsa da, şairə tanınmamış və şöhrət ondan yan keçmişdir. Fərdi üsluba malik, heç bir ədəbi cərəyanə siğmayan şeirləri onun XIX əsrə ictimaiyyət tərəfindən qəbul edilməsinə mane olmuşdur. Həmin dövrdə Emili Dickinsonun poeziyasının fərqli qrammatik quruluşu, allegoriya və metafora zənginliyi, təsvir obyektlərinin bir-biri ilə vəhdəti, semantik mürəkkəbliyi və qanuna uyğunsuzluğu oxucular üçün dərkədilməz olmuşdur.

Emili Dickinsonun yaradıcılığını birmənalı və qısa şəkildə xarakterizə etmək mümkün deyildir. Bunun səbəbi isə onun poeziyasının (və poeziyanın poetikasının) öz zəmanəsini qabaqlaması, həmçinin, hər il yeni çalarlar əldə edərək sanki yenidən doğularaq bütün zamanlara ayaq uydurmasıdır.

Şairə tam harmoniyanın hökm sürdüyü öz dünyasında yaşamışdır. O, bəşəri varlıqlarla yaxından ünsiyyət qurmamış, daha doğrusu, bəşəriyyəti öz daxilində daşımışdır. Tanrı, Allah, İlahi – necə adlandırılmasından asılı olmayaraq yaradانını dərk etməyə çalışmışdır. Onun həyatda öz yolu vardı. Bu yol zahiri deyil, daxili dünyasının kamilliliyinə aparan mənəvi zənginlik yolu idi.

Emili Dickinson Amerika ədəbiyyatının tərki-dünyalığı seçən ilk nümayəndəsidir.

Məqalədə Emili Dickinsonun həyatının gizli qalan məqamlarından bəhs edilmişdir.

Açar sözlər: *Amerika ədəbiyyatı, kamillik yolu, kamil insan, mənəvi zənginlik və zaman.*

Aynur Sabitova

EMILY DICKINSON (Reflections on some mysteries of the poet's life)

Summary

Emily Dickinson (1830-1886) is one of the most peculiar and in a certain way an unfathomable figure in the history of world literature. Her personal and artistic destiny is unusual. Anonymously published only seven poems, remained in life not only unappreciated, but also unknown for the reader. The individual style of the poetess, who does not recognize any

literary conventions, is unusual which obviously prevented her from being adequately perceived in the 19th century. A peculiar grammar and punctuation, an abundance of allegories and metaphors, the occurrence of the subject matter interwoven with one another, semantic complexity and incoherence are difficult for readers' perception of the poetry of Emili Dickinson.

It is impossible to characterize briefly and decisively the content and poetics of the poems of Emily Dickinson. The reason for this is that her poetry (and the poetics of this poetry) is simply in advance of its time and acquires new shades year by year, as if it reinvents itself and moves with the times.

Poetess lived in her own world where perfect harmony prevailed. She talked, but with the one who was inside her and in the whole universe, more exact, the universe was inside her. She strived to become acquainted with her creator, no matter what he was called – God, Allah, the Creator. She followed her own path. But this path is not external, but internal, the path of her interior perfection.

Emily Dickinson is the first poetess-recluse in American literature.

The present article is concerned with the hidden aspects of Emily Dickinson's oeuvre.

Key words: *American literature, the path of excellence, perfect man, spiritual values and time.*

Redaksiyaya daxil olma tarixi: 07.07.2019.

Çapa qəbul olunma tarixi: 18.08.2019

Filologiya elmləri doktoru **Nailə Səmədova**
tərəfindən çapa tövsiyə olunmuşdur.